

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

CONCEPTUAL WORLDVIEW

УДК 801.73

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-69-77

Аннель Тлеумагамбетовна Бактыбаева,
Казахский национальный медицинский университет
им. С. Асфендиярова
(г. Алматы, Казахстан),
e-mail: smile_1713@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>

Авторская повествовательная стратегия с элементами комизма в структуре концептуальной картины мира прозы Б. Канапьянова

Цель статьи состоит в выявлении своеобразия авторской стратегии русскоязычного казахстанского поэта Б. Канапьянова как неотъемлемого элемента концептуальной картины мира. Научная новизна работы определяется системным подходом к изучаемому материалу, а также тем, что впервые автор статьи рассматривает повесть прозаика в заявленном ракурсе. «Байки старого комбайнёра» написаны в комическом ключе, причём жанровое определение задано уже самим заглавием. Сюжеты небольших глав демонстрируют этическую «разность» идеологических лозунгов и будничной реальности, в которую погружены сельские труженики. Фигура нарратора здесь весьма примечательна: это молодой человек, с одной стороны, являющийся порождением советской эпохи, а с другой – только что окончивший сельскохозяйственный техникум в городе и приехавший в совхоз, не имеющий большого жизненного опыта, чьё сознание ещё не замутнено идеологией, а потому он взирает на мир иронически-объективно. Казахский автор посредством использования речевых клише советской эпохи стремится передать особенности смехового мироощущения 70–80-х гг. XX в. Он наглядно демонстрирует советские идеологемы, граничащие по смыслу с «карнавальным мезальянсом». Результаты исследования показали, что элементами авторской стратегии Б. Канапьянова становятся авторское предисловие, своеобразная коммуникация автора с читателем посредством авторской маски и сказового повествования, которые помещены в комический повествовательный дискурс. Последний разворачивается в описании иронических впечатлений главного героя, его снах, описании уборки хлеба, поступков трудового наставника. Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с выявлением особенностей авторской стратегии Б. Канапьянова в повести «Брызги шампанского», осмыслением функциональной роли комических элементов в её конструировании.

Ключевые слова: Б. Канапьянов, концептуальная картина мира, авторская маска, авторская стратегия, комическое, повесть

Annel T. Baktybaeva,
Kazakh National Medical University
named after S. Asfendiyarov
(Almaty, Kazakhstan),
e-mail: smile_1713@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>

Author's Narrative Strategy with Comic Elements as a Component of the Conceptual Picture of the Prose World of B. Kanapyanov

The purpose of the article is to identify the originality of the author's strategy of the Russian-speaking Kazakh poet B. Kanapyanov as an integral element of the conceptual picture of the world. The scientific novelty of the work is determined by a systematic approach to the studied material, as well as by the fact that for the first

© Бактыбаева А. Т., 2021

time the author of the article considers the novels of a prose writer in the stated perspective. "Tales of the Old Cominer" are written in a comic vein, and the genre definition is already given by the title itself. The plots of small chapters demonstrate the ethical "difference" between ideological slogans and everyday reality in which rural workers are immersed. The figure of the narrator here is quite remarkable: this is a young man, on the one hand, who is a product of the Soviet era, and on the other, who has just graduated from an agricultural technical school in the city and has arrived at a state farm, who does not have much life experience, whose consciousness is not yet clouded by ideology, and therefore looking at the world ironically and objectively. The Kazakh author seeks to convey the peculiarities of the laughter outlook of the 1970s–1980s through the use of speech clichés of the Soviet era. He clearly demonstrates Soviet ideologemes, bordering in meaning, with "carnival misalliance". The results of the study showed that the author's preface, a kind of communication between the author and the reader through the author's mask and fairy tale narration, etc., become elements of the author's strategy of B. Kanapyanov, placed in a comic narrative discourse. The latter unfolds in the description of the ironic impressions of the protagonist, his dreams, the description of the harvesting of bread, the actions of the labor mentor. Prospects for further research can be associated with identifying the features of the author's strategy of B. Kanapyanov in the story *Spray of Champagne*, understanding the functional role of comic elements in its construction.

Keywords: B. Kanapyanov, conceptual picture of the world, author's mask, author's strategy, comic, story

Введение. Специфика художественного текста писателя или поэта отражает фрагменты его концептуальной картины мира. Одним из ключевых моментов в её понимании является авторская стратегия, запечатлённая в художественном тексте. Именно она становится для читателя одной из опорных смысловых категорий в его познавательной деятельности [1]. Внимание к отдельным сторонам авторской стратегии, особенно в комическом контексте, а также выявление способов ее ассоциативно-смыслового взаимодействия в повести, рассказе, стихотворении позволяют реконструировать картину мира не только одного автора, но и всего народа.

В нашей статье под концептуальной картиной мира мы подразумеваем те знания и представления об окружающей действительности, которые получил человек в процессе своего взаимодействия с окружающим его миром. Внимание к изменениям в устройстве жизни, социальные перемены, включая преобразования в структуре самих знаний, находят своё воплощение в индивидуально-авторской стратегии, выраженной в прозаическом тексте.

Под термином «авторская стратегия» видится средство передачи отношения автора к герою и читателю в ходе художественной коммуникации¹. Мы солидарны с мнением О. Ю. Осьмухиной и С. А. Байковой и считаем вполне справедливым отождествление авторской стратегии со стратегией нарративной [2, с.16]. Нарративная стратегия – это намеренно избранная писателем

повествовательная форма со своеобразным индивидуально-авторским перечнем способов, тем, сюжетов, образов и мотивов в повествовательной парадигме: «автор – текст – читатель» [3, с. 12]. При этом «автор – читатель» находит свое выражение в тексте художественного произведения в виде различных приёмов: акцентирование вымысленности или достоверности рассказываемой истории, авторские маски, повествовательная стратегия «текст в тексте» и др.

Игровое, комическое начало и их выражение посредством авторских стратегий в русскоязычной литературе Казахстана конца XX – начала XXI в. фактически не становилось предметом филологического анализа, и дело не столько в отсутствии интереса к проблемам комического, смехового – напротив, эта проблематика актуализирована в литературоведческих работах на протяжении последних десятилетий [4–7] – сколько в недостаточно широкой доступности российским литературоведам текстов казахстанских писателей после известных исторических событий, в связи с чем многие исследования казахских учёных обретают характер локальный и замыкаются достаточно ограниченным научным пространством. Русскоязычная литература Казахстана активно развивается, как продолжая собственные традиции (фольклорные, в том числе), так и воспринимая опыт литературы российской, в тесном взаимодействии с которой вплоть до середины 1990-х гг. она развивалась. Это и определяет актуальность нашей статьи.

Подчеркнём, что весь корпус русскоязычной литературы Казахстана, условно говоря, репрезентующей комический дискурс,

¹ Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – С. 24.

обладает следующими общими свойствами: во-первых, авторская стратегия того или иного писателя включает признаки комического; во-вторых, при всей «разности» эстетических или идеологических установок каждый из русскоязычных казахстанских прозаиков обращается к схожим сюжетам. Наиболее примечательным в данном контексте является творчество Б. Канапьянова, прежде всего его повести.

Материалом статьи, таким образом, послужила повесть Б. Канапьянова «Байки старого комбайнёра». В ходе исследования ставились следующие задачи: во-первых, определить жанровую специфику повести Б. Канапьянова; во-вторых, выявить ключевые элементы, составляющие авторскую повествовательную стратегию «Баек старого комбайнёра».

Методология и методы исследования. В решении поставленных задач использовался комплекс методов: историко-типологический, сравнительно-сопоставительный и метод целостного анализа художественного произведения – что позволило выявить и проанализировать авторскую стратегию прозаика в контексте устойчивой традиции «баек» в литературе.

Теоретической основой статьи стали работы, в которых представлен вопрос об авторской стратегии в теоретическом и практическом аспектах: Т. И. Акимовой [8], С. А. Байковой [3], О. А. Гримовой [9], М. Д. Андриановой [10], Т. В. Мальцевой [11], В. Г. Кукуевой [12], О. Ю. Осьмухиной [13], Т. Р. Пчелкиной [14], Е. М. Ротай [15], Д. Л. Шукурова [16], Н. С. Чуевой [17], М. С. Янкелевич [18], С. И. Тиминой¹. В исследованиях Ю. Н. Караулова [19], Ю. Д. Апресян [20], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [21], Д. С. Лихачёва [22], Ю. С. Степанова [23], В. В. Колесова и М. В. Пименовой², В. В. Красных [24] описаны различные фрагменты концептуальной картины мира, которые позволяют чётко представить современные эмоциональные ориентиры.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты, отдельные наблюдения и общие выводы мо-

¹ Современная русская литература конца XX – начала XXI века: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / С. И. Тимина, Т. Н. Маркова, Н. Н. Кякшто [и др.]; под ред. С. И. Тиминой. – М.: Академия, 2011. – 384 с.

² Колесов В. В., Пименова М. В. Концептология: учебное пособие. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. – 248 с.

гут быть использованы на вузовских курсах, посвящённых русскоязычной литературе ближнего зарубежья, а также на спецкурсах и спецсеминарах по современной прозе Казахстана, курсе теории литературы, прежде всего в разделе, касающемся жанровой специфики эпических произведений.

Жанровая специфика повести Б. Канапьянова «Байки старого комбайнёра». Разножанровые стихи, поэмы, повести, рассказы, художественные переводы, поэтические переложения, притчи, эссе, диалоги Б. Канапьянова – органичная часть современной русскоязычной литературы Казахстана. Оставаясь по своему духу и мироощущению глубоко национальным писателем, он на протяжении более чем сорокалетнего творческого пути активно менял свои авторские стратегии, выстраивал их в непосредственной взаимосвязи с жанровой принадлежностью того или иного текста и литературно-художественным контекстом.

Общеизвестно, что жанровая система современного комического дискурса представлена шуткой, анекдотом, байкой, пародией, частушками и т. п. Вторичными жанрами данного дискурса являются юмористический или сатирический рассказ, монолог, роман. В творчестве Б. Канапьянова комический дискурс наиболее отчётливо проявляется в повести «Байки старого комбайнёра».

Под термином «байка» традиционно понимается юмористический рассказ о каком-либо происшествии, которое происходило в реальности. В отличие от анекдота байки с одной стороны отличаются развернутым сюжетом и более соотносимы с «историями из жизни», с другой – описание произошедшего события в них конкретно и реально или же призвано создать иллюзию достоверности происходящего³. Традиция баек оказалась удивительно живучей не только в фольклоре, но и в художественной литературе – достаточно вспомнить «Байки Деда Антропа из Лисьих Гор» М. Волкова, повествующие о становлении советской власти в Лисьих Горах, или же «Байки деда Игната о том, как жили люди когда-то» В. Радченко, являющиеся фактически семейными преданиями «казака-конвойца» об истории рода, его переселении на Кубань и событиях Гражданской войны.

³ Байка // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – С. 24.

Заглавие повести Б. Канапьянова заведомо ориентирует читателя на вполне устоявшийся канон (его «байки» являются «историями» из жизни совхоза советских лет), причём сам текст строится как цикл небольших эпизодов-воспоминаний с элементами анекдота в автобиографии героя-нарратора, иронически описывающего издержки советской идеологии в отношении поэтизации «коллективного труда»: здесь и «прославление» знаменитых хлеборобов в районном масштабе, и подробности хлебоуборки в 1970–1980-х гг. Заглавие повести ориентировано на её восприятие на фоне социалистических лозунгов «Догоним и перегоним Запад», что порождает антитезу, которая спрятана под маской авторской иронии.

Подчеркнём, что именно байка позволила Б. Канапьянову не просто описать «случаи» из колхозной жизни, но сознательно пародировать устоявшиеся концепты соцреализма, посредством которых и в советской литературе, и в литературе Союзных Республик в XX в. поэтизировался труд. Это касается, во-первых, социалистического соревнования, которое не всегда было оправдано («соревнование ради соревнования»): «Я – комбайнёр совхоза “Заря Востока” тов. Белимбуганов, обязуюсь скосить 500 га, намолотить 5500 центнеров зерна. Вызываю на соц. соревнование комбайнёра тов. Айналаенова»¹. Во-вторых, награждения одних и тех же людей, несмотря на возраст и количество одних и тех же наград: «Ближе к обеду из района подъехал “газик” с открытым верхом, в котором сидел фотокорреспондент... Затем моего наставника решили повезти на полевой стан, где должны были собраться все знатные механизаторы района, для общей беседы и интервью... После встречи с газетчиком у него вид почётного человека совхоза»².

Жанр байки позволил прозаику расширить нарративное поле, в котором происходит столкновение «высокого» и «низкого», реальность нередко абсурдизируется: «К нам едет на велосипеде девочка-пионерка. У неё в руках была баночка с белой краской и кисточка. Она подъехала к нашему комбайну, отдала салют, на что я её приветствовал своим сомбреро. Затем поднялась к нам на мостик и рядом с соцобязательствами моего наставника быстро и аккуратно нарисовала

¹ Канапьянов Б. Байки старого комбайнера // Нива. – № 7. – 2010. – С. 107–121.

² Там же – С. 116.

три звёздочки. Мой наставник-комбайнёр сердечно улыбается, глядя на звёзды своего труда. Но не тут-то было. Я молча взял у девочки-пионерки баночку с белой краской и сам подрисовал тоже три звёздочки, но под своими соцобязательствами и размером, конечно, поменьше, чем звёзды моего учителя, который с недоумением уставился на меня:

– Почему?

Я стал пальцем показывать на него, а затем на три его больших звезды. А потом на себя и на три моих маленьких, ну прямо очень маленьких звёздочек. Опять немой вопрос в глазах моего наставника. Я провёл кисточкой вдоль бункера, показывая, что половина бункера с зерном – его, а другая половина – моя. А мой наставник, мой учитель-механизатор, мой благодетель-хлебороб с негодованием показывает на ряд соломенных копен и указывает на меня, мол, это твоё, а затем дотрагивается до бункера и с гордым видом утверждает, что это – его»³.

Байка, сочетающая реальность происходящего с разговорной интонацией, сказовой повествовательной манерой, избыточной разговорной лексикой, шутками, нередко «снижающими» предмет описания, у Б. Канапьянова тоже знаменует несоответствие между средствами речи и предметом: «А мы, разделённые белой полосой, так называемой демаркационной линией, сидим, каждый сам по себе»⁴; «Уныло взирали на нас наши соцобязательства»⁵; «Вдруг гениальная мысль сверкнула у меня в глазах. Дёрнул за ручку, и я сразу же наклонился с сигаретой вовнутрь мотора, выискивая искру, чтобы прикурить сигарету»⁶.

Для передачи смехового мироощущения автор использует штампы советской речи, наглядно демонстрируя советские идеологемы, граничащие по смыслу, говоря словами М. М. Бахтина, с «карнавальным мезальянсом»: «Хмурый мой наставник ведёт наш степной корабль на третьей скорости»⁷; «И тут булькающий, кипящий радиатор достиг апогея. Трах!!! Струя кипятка, описав дугу, вонзилась в спину моего наставника. Он разинул от боли рот, и тут круглая крышка от радиатора падает с неба и затыкает этот самый рот наставника-ком-

³ Там же. – С. 107–121.

⁴ Там же – С. 117.

⁵ Там же – С. 118.

⁶ Там же – С. 114.

⁷ Там же – С. 110.

байнёра. Вытаращенные глаза. Мои и моего наставника. Крышка, как кляп, торчит у него во рту»¹. Очевидно, что в процитированном фрагменте тройной восклицательный знак, обилие вопросов, многоточие подчёркивают нарочитость интонации повествования, её наигранность.

Элементы авторской стратегии Б. Канапьянова в повести «Байки старого комбайнёра». Принципиальную роль в формировании авторской стратегии повести играет авторское предисловие: «Сейчас совсем другие комбайны, не то что пятьдесят лет тому назад. И кабина комбайнёра уютная, и даже кондиционер в ней есть, одним словом, всё для комфорта сельского труженика, чтобы он полностью отдавал себя горячим, но коротким дням жатвы, и не думал ни о чём другом... Вот так год за годом... Так и не заметил, как время пролетело. И страна уже другая – суверенный Казахстан. А земля как была пятьдесят-сто лет тому назад, так и остаётся – кормилицей; и по пастбищам, и по посевным. А люди рождаются, растут, стареют, и их хоронят в нашу же землю-матушку. Одно поколение сменяется другим, а память остаётся на года и столетия. Вот и я, проработавший всю жизнь на этой земле, состарился. Мне почти семьдесят лет...»².

Авторское предисловие как важнейший элемент авторской нарративной стратегии не только обрамляет текст, создавая иллюзию достоверности описываемых далее событий. Оно мистифицирует и читателей, и персонажей повести, вводя фиктивного автора-нарратора, который, однако, повествует не сам, «голос» его подан в ретроспекции: «Внук всё это старательно записывает, а я лукаво улыбаюсь и, надев очки, перечитываю его записи моих вольных слов. И сокрушённо удивляюсь:

– Не может быть. Это ты меня не так понял или сочинил от себя!

– Как не может?! – обиженно восклицает внук.

– Ты же сам только что говорил об этом.

– Я? Об этом?! Чтобы человек, попав через жатку в копнитель, остался живым?!

– Да! И что он вышел из выгруженной тобой копны. Правда, без одежды, в одних только трусах, – процитировал по памяти свою запись моих шальных слов внук и гневно засопел носом. – Давай я порву, что-

¹ Канапьянов Б. Байки старого комбайнёра // Нива. – № 7. – 2010. – С. 111.

² Там же. – С. 107.

бы люди не подумали, что ты, дед, немного того, – и внук потянулся к тетради, в которую я, улыбаясь, вчитывался.

– Ну, зачем же так, – испугался я и, свернув в трубочку, спрятал тетрадку во внутренний карман просторной куртки.

– Всё правда, всё было, как я сказал и как ты написал, – погладил по голове я своего внука.

– Может, и было всё это в твоей далёкой жизни, а в нашей жизни – этого быть не может, – уверенно ответил внук, – всё это сказки из «Тысячи и одной ночи». Только нет в твоих сказках Аладдина и его волшебной лампы.

– А ты взгляни на меня внимательно. Может, я и есть Аладдин, а ты моя волшебная лампа»³.

Очевидно, что повествование «первичного» рассказчика, переданного через «записи» его внука как «вторичной нарративной инстанции», представителя иной исторической эпохи, рисует предполагаемым читателям образ советской реальности, но не мифологизированной, известный из соц-арта, а достаточно цельный, увиденный глазами её непосредственного очевидца и «участника».

Более того, непосредственно в сюжетном нарративе повести образ автора и героя раздваивается: «И они все внимательно меня слушали, иногда посмеивались моим вариациям на тему “Уборка урожая пятьдесят лет тому назад”. Великодушно прощали, если я чересчур заливал, или, наверное, им было просто приятно слушать меня в час короткого привала перед ночной сменой жатвы»⁴. При этом за каждым сохраняется и авторская, и персонажная функции. С одной стороны, «я» – это сам рассказчик, комбайнёр. С другой, «я» – авторская маска автора-повествователя. Подобный приём чередования ролей «повествователя» и «героя» позволяет, во-первых, акцентировать внимание на игровой основе образа автора; во-вторых, подчёркивает условность происходящего, создаёт иллюзию «правдивости» сюжетных коллизий. Всё это в конечном итоге маркирует авторскую нарративную стратегию Б. Канапьянова.

Кроме того, прозаик неотъемлемой частью собственной авторской стратегии делает сказовую повествовательную форму, что также отсылает к предшествующей традиции (от Н. В. Гоголя, А. М. Ремизова и

³ Там же. – С. 107–108.

⁴ Там же – С. 120.

Е. И. Замятина до В. М. Шукшина, Е. А. Попова и др.). Подобная коммуникация с читателем также порождает игровую атмосферу, в которой фигуры рассказчика байки как автора «фиктивного» и автора «реального» вполне отождествимы.

При этом фиктивный автор-нарратор, помимо рассказа о том или ином происшествии из совхозной жизни, вкрапляет в ткань художественного текста и биографический компонент. Комбайнёрская биография, представленная в профессионально-бытовом плане, чаще всего подаётся в комическом ключе. Показательно иллюстрацией в этом отношении являются воспоминания фиктивного автора-нарратора о первых днях работы на комбайне: «Подъехала машина, и шофёр, выйдя из кабины, протянул путёвку моему наставнику, но я, благо сидел ближе к шофёру, перехватил бумагу и подписал.

– Твоя подпись недействительна, – буркнул наставник, отбирая у меня путёвку. И поверх моей подписи поставил свою. Шофёр подмигнул мне и спросил:

– Учишься?

– Гм.

– Ну как, получается?

– Тм.

– А учитель хороший?

– Дм.

Шофёр отъехал»¹.

Иронией пронизана и саморепрезентация героя – молодого комбайнёра: «Наставник-комбайнёр сидит за штурвалом, сосредоточенно глядя, как стебли пшеницы ложатся под крутящееся мотовило. Он в комбинезоне и в защитных очках. На его голове кожаный картуз. Я же в ковбойке и в спортивных штанах. А на голове у меня сомбреро, купленное в день отъезда в городе... От полноты чувств пою какую-то песню из какого-то кинофильма. Точнее, не пою, а ору во всё горло, но меня не слышно, песню мою заглушает рёв мотора»².

Комическая стихия воплощена и в описаниях снов молодого комбайнёра, которые, по сути, являются «продолжением» его трудовой биографии: «Я, укрепив свои руки по-удобному на поворотной оси, засыпаю и снится мне вот что: Часы на волосатой руке моего наставника... Ожесточённая жестикуляция. По этой самой жестикуляции можно догадаться, что мой наставник пробивает

¹ Канапьянов Б. Байки старого комбайнера // Нива. – № 7. – 2010. – С. 112.

² Там же. – С. 110.

себе на РТС новую коробку передач... И здесь появляется множество рук, словно бы какой-то клубок змей. Видны среди них и белоснежные манжеты мужских рубашек. А в центре выделяется рука моего наставника. Грязная, замасленная, волосатая рука... Мне сквозь сон или во сне видно, что эта самая рука наконец-то получает новую коробку передач и взваливает её на левое плечо моего наставника. А дальше что было, я уже не помню. Помню, что и я что-то делал со своими руками, когда невзначай проснулся, а затем опять уснул»³.

Иронией пронизан и эпизод уборки хлеба, где образ наставника героя, который в произведениях соцреализма традиционно выступает не просто учителем для молодого подопечного, но сам является положительным примером безупречного отношения к делу, людям, очевидно снижается: «Подшёл мой наставник, когда я с горделивым видом сел за штурвал нашего комбайна, и жестом указал на мой щит:

– Что это?

Я указал на его обязательства, затем на него самого.

Мой наставник, горячо жестикулируя, стал объяснять мне, что соревноваться на одном комбайне нельзя. Показывает на комбайн и поднимает один палец. Показывает на себя и на меня и – показывает два пальца. А затем пальцами опять показывает на меня – мол, сопляк ещё, чтобы со мной соревноваться! Я сажу молча, не внимаю его жестикуляции. А мой наставник, который не сопляк, лезет на бункер, собираясь сорвать мои сокобязательства, да не тут-то было! Я грудью встал, чтобы защитить свои планы и обязательства от таких посягательств, пусть даже он мой наставник вот уже вторую неделю. Мой наставник, сплунув, садится за штурвал.

Я же, ехидно улыбаясь, держу свою вахту, стоя на мостике нашего степного корабля»⁴.

Прошрое и настоящее комбайнёра в структуре повествования переплетаются: перед читателем с одной стороны текст – воспоминание человека советской эпохи, её летописца и хроникёра; с другой – полушутливая-полусерьёзная биография юного героя, записанная таким же юным внуком фиктивного автора-нарратора с его слов. Подобное «удвоение» фигуры рассказчи-

³ Там же – С. 115.

⁴ Там же. – С. 116.

ка приводит к смещению авторской и персонажной ролей и способствует созданию игровой повествовательной стратегии.

Заключение. В результате исследования мы пришли к следующим выводам: в повести «Байки старого комбайнёра» Б. Канапьянова концептуальная картина мира передаётся посредством своеобразной авторской нарративной стратегии. Её ключевыми компонентами становятся авторское предисловие, мистифицирующее читателя и способствующее «удвоению» фигур автора и героя, а также авторская маска, функционально организующая повествование (повесть выдержана в сказовой манере), вы-

страиваемая посредством обыгрывания биографических деталей автора «реального». Жанровая составляющая также немаловажна: она, с одной стороны, отсылает к хорошо известной в фольклоре и литературе традиции, с другой – позволяет отнюдь не шаблонно изобразить соцреалистический миф, иронически и пародийно высветив ряд его концептов, связанных с поэтизацией труда. Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с выявлением особенностей авторской стратегии Б. Канапьянова в повести «Брызги шампанского», осмыслением функциональной роли комических элементов в её конструировании.

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. Ч. 1. 127 с.
2. Осьмухина О. Ю., Байкова С. А. «Вторичный сюжет человеческой трагикомедии»: авторская стратегия прозы Евг. Попова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 232 с.
3. Байкова С. А. Авторская стратегия прозы Евг. Попова 1970–1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Н. Новгород, 2013. 22 с.
4. Дмитренко В. А. Формульный характер текста анекдота // Вестник международного славянского университета. 2000. Т. 3, № 4. С. 63–65.
5. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 144–153.
6. Кулинич М. А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.04. М., 2000. 35 с.
7. Морозова А. М. Жанровая специфика юмористического дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Сер. «Филологические науки». 2013. Т. 1, № 1. С. 216–222.
8. Акимова Т. И. Авторская стратегия как литературоведческая категория: методологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. 1. 2015. № 2. С. 13–16.
9. Гримова О. А. Нарративная интрига в романе Ю. Буйды «Синяя кровь». Текст: электронный // Narratorium. 2013. № 1. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631078> (дата обращения: 13.05.2021).
10. Андрианова М. Д. Авторские стратегии в романной прозе А. Битова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2011. 20 с.
11. Мальцева Т. В. Авторская стратегия самоидентификации героя в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Пушкинские чтения – 2011: материалы XVI Междунар. конф. «Пушкинские чтения» / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб., 2011. С. 287–294.
12. Кукуева В. Г. Авторская стратегия как одно из оснований типологического описания рассказов В. М. Шукшина // Сибирский филологический журнал. 2006. № 1–2. С. 23–38.
13. Осьмухина О. Ю. Специфика авторской репрезентации в «Сентиментальных повестях» М. Зощенко (на материале повести «Аполлон и Тамара») // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Сер. «Филологические науки». 2009. № 3. С. 33–43.
14. Пчелкина Т. Р. Проблема авторского самовыражения в литературоведении: история и перспективы изучения // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2012. № 1. С. 23–26.
15. Ротай Е. М. «Новый реализм» в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Краснодар: Кубан. гос. ун-т., 2013. 23 с.
16. Шукуров Д. Л. Концепция авторских стратегий в дискурсе русского эгофутуризма // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2007. № 1. С. 1–6.
17. Чуева Н. С. Художник в открытом море, или Об авторских стратегиях // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р. Е. Алексеева, 2012. С. 575–576.
18. Янкелевич М. С. Отражение личности автора в художественном произведении // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2013. Т. 15, № 2–1. С. 163–168.
19. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

20. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348–385.
21. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002. 101 с.
22. Лихачёв Д. С. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 280–287.
23. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40–43.
24. Красных В. В. От концепта к тексту и обратно. К вопросу о психолингвистике текста // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1998. № 1. С. 53–70.

Статья поступила в редакцию 02.08.2021; принята к публикации 10.09.2021

Сведения об авторе

Бактыбаева Аннелъ Глеумагамбетовна, кандидат филологических наук, доцент, Казахский национальный медицинский университет им. С. Асфендиярова; 050000, Казахстан, г. Алматы, Толе-би, 94; e-mail: smile_1713@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>.

Для цитирования:

Бактыбаева А. Т. Авторская повествовательная стратегия с элементами комизма в структуре концептуальной картины мира прозы Б. Канапьянова // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 69–77. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-69-77.

References

1. Bolotnova, N. S. Philological analysis of the text Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2001. (In Rus.)
2. Os'muhina, O. Yu., Bajkova, S. A. "Secondary Plot of Human Tragicomedy": Author's Prose Strategy Eug. Popov. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2016. (In Rus.)
3. Baikova, S. A. Author's prose strategy Eug. Popov 1970–1990s.: Cand. sci. diss. abstr. N. Novgorod, 2013. (In Rus.)
4. Dmitrenko, V. A. Formal character of the anecdote text. Bulletin of the International Slavic University. Khar'kov, no. 4, pp. 63–65, 2000. (In Rus.)
5. Karasik, V. I. Anecdote as a subject of linguistic study. Genres of speech. Saratov: Kolledzh, no. 1, pp. 144–153, 1997. (In Rus.)
6. Kulinich, M. A. Semantics, structure and pragmatics of English-language humor: Dr. sci. diss. abstr. Moskva, 2000. (In Rus.)
7. Morozova, A. M. Genre specificity of humorous discourse. Bulletin of the Pushkin Leningrad State University, no. 1, pp. 216–222. 2013. (In Rus.)
8. Akimova, T. I. Author's strategy as a literary category: methodological aspect. Philological sciences. Questions of theory and practice, no. 2, pp. 13–16, 2015. (In Rus.)
9. Grimova, O. A. Narrative intrigue in the novel by Yu. Buida "Blue Blood". Narratorium, no. 1–2, 2013. Web. 13.05.2021 <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631078> (In Rus.)
10. Andrianova, M. D. Author's strategies in the novel prose of A. Bitov: Cand. sci. diss. abstr. SPb., 2011. (In Rus.)
11. Mal'tseva, T. V. The author's strategy of self-identification of the hero in the novel by I. A. Goncharov "Oblomov". Pushkin readings – 2011. Proceedings of the XVI International Conference "Pushkin Readings" Sankt-Peterburg. 2011: 287–294. (In Rus.)
12. Kukueva, V. G. The author's strategy as one of the foundations of the typological description of V. M. Shukshina. Siberian Journal of Philology, no. 1–2, pp. 23–38, 2006. (In Rus.)
13. Os'muhina, O. Yu. Specificity of the author's representation in "Sentimental Stories" by M. Zoshchenko (based on the story "Apollo and Tamara"). Bulletin of the Pushkin Leningrad State University, no. 3, pp. 33–43, 2009. (In Rus.)
14. Pchelkina, T. R. The problem of author's self-expression in literary criticism: history and prospects of study. Modern higher school: innovative aspect. Chelyabinsk, no. 1, pp. 23–26, 2012. (In Rus.)
15. Rotai, E. M. "New realism" in modern Russian prose: the artistic worldview of R. Senchin, Z. Prilepin, S. Shargunov: Cand. sci. diss. abstr. Krasnodar, 2013. (In Rus.)
16. Shukurov, D. L. The concept of author's strategies in the discourse of Russian ego-futurism. Bulletin of the Ivanovo State Energy University, no. 1, pp. 1–6, 2007. (In Rus.)
17. Chueva, N. S. An artist on the high seas, or On the author's strategies. Actual problems of social communication. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University named after Alekseeva, 2012: 575–576. (In Rus.)

18. Yankelevich, M. S. Reflection of the author's personality in a work of art. Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, biomedical sciences. Samara, no. 2–1, pp. 163–168, 2013. (In Rus.)
19. Karaulov, Yu. N. Russian language and linguistic personality. M: Izdatel'stvo LKI, 2010. (In Rus.)
20. Apresyan, Yu. D. Selected works in 2 volumes. Vol. II: Integral description of language and systemic lexicography. M: Shkola "Yazyki russoj kul'tury", 1995: 348–385. (In Rus.)
21. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Language and national picture of the world. Voronezh: "Istoki", 2002. (In Rus.)
22. Lihachev, D. S. Logical analysis of language. Cultural concepts. M: 1991: 280–287. (In Rus.)
23. Stepanov, Yu. S. Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience. M., 1997: 40–43. (In Rus.)
24. Krasnyh, V. V. From concept to text and back. On the question of the psycholinguistics of the text. Bulletin of Moscow University, no. 1, pp. 53–70, 1998. (In Rus.)

Received: August 2, 2021; accepted for publication September 10, 2021

Information about author

Baktybaeva Annel T., Candidate of Philology, Associate Professor, Kazakh National Medical University named after S. Asfendiyarova; 94 Tole-bi, Almaty, 050000, Kazakhstan; e-mail: smile_1713@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>.

For citation:

Baktybaeva A. T. Author's Narrative Strategy with Comic Elements as a Component of the Conceptual Picture of the Prose World of B. Kanapyanov // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 69–77. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-69-77.